

Мо Ин занял кровать, и И Цунчжоу, не имея возможности делить с ним ложе, устроился в соседней комнате.

Посреди ночи он вздрогнул от жалобного вопля и резко проснулся. Мгновенно вскочив, он приоткрыл окно.

Снаружи стояла тьма, лил проливной дождь. Мо Ин сидел на земле, потирая глаза и ушибленный зад.

Очевидно, только что очнувшись, он спросонья поскользнулся в луже.

— Больно-то как, — пробормотал Мо Ин. — И Цунчжоу куда-то запропастился среди ночи. Потрогал мои рога и исчез — разве так обращаются с Молодым господином?

Он встал, совершенно не заботясь о том, что одежда насквозь промокла под дождем, обернулся тенью и в мгновение ока растворился в ночи.

Влажный воздух ворвался в комнату. И Цунчжоу смотрел в ту сторону, где исчез юноша, чувствуя, что происходит нечто невероятное.

Его сон всегда был чутким, он слышал малейший шорох, но в этот раз лишь громкий шум, устроенный Мо Ином, смог его разбудить.

По меньшей мере пять лет он не спал так крепко, и его бдительность никогда не была столь низкой.

Лишь познав невыносимые муки, начинаешь ценить покой и счастье.

Юэ Ли осторожно приблизился, боясь, что влага от дождя попадет на И Цунчжоу, да и опасаясь гнева генерала, поэтому держался на некотором расстоянии.

Лотосы поникли под дождем, вода в озере помутнела, в воздухе разлился запах сырой земли. В дождь стало прохладнее, лед для охлаждения больше не требовался. Ван Си принес охлажденную сливу — кисло-сладкую и освежающую.

Увы, было уже поздно.

Мо Ин, лишенный здравого смысла, позволил И Цунчжоу коснуться своих рогов лишь для того, чтобы усыпить его бдительность, даже не осознавая, что передал свою энергию, и не замечая, как его клонит в сон.

Едва рассвело, заместитель Юэ Ли пришел сквозь дождь и застал И Цунчжоу за созерцанием двора из соседней комнаты.

Для того, кто страдает социофобией, общение с незнакомой девушкой — сущая пытка. Мо Ин всерьез раздумывал, не прыгнуть ли в озеро, чтобы сбежать.

В последнее время дожди не прекращались, а со вчерашнего дня начался настоящий ливень, отчего воздух стал тяжелым и душным.

Что еще? Юэ Ли показалось, что сегодня утром генерал не в себе:

— Неужели генерал знает, кто избранница Императора?

Стоило один раз коснуться его рогов, как это возымело такой эффект.

Он попытался почувствовать насекомых-гу в своем теле — те, казалось, еще не пришли в себя и не причиняли никакой боли.

Слишком шумно, да и видимость плохая, он даже не заметил, как они подошли. Если бы светило солнце, он бы сбежал, как только появилась Наложница Сюань!

Что это за выражение лица у генерала? Оно страшнее, чем та улыбка в ту ночь.

Что ж, генерал уже не молод, пора найти того, кто будет заботиться о нем в холода и жару. Юэ Ли ни за что не признается, что просто считает тренировки генерала слишком суровыми, а его самого — слишком замкнутым, и хочет найти кого-то, на ком тот мог бы выплеснуть излишки энергии.

Он хотел спросить, не думает ли генерал о своей возлюбленной, но на полпути поймал на себе легкий взгляд И Цунчжоу, и инстинкт самосохранения заставил его мгновенно сменить тему.

Взгляд И Цунчжоу остановился на Юэ Ли.

Вернувшись во Дворец Осеннего Солнца, Мо Ин снова завалился спать, не реагируя на зов Ван Си, и проснулся от голода только к полудню.

— Генерал, вы... — Юэ Ли лихорадочно искал подходящее слово, — вы о ком-то думаете?

— Сюэ Чжунго и те старые чиновники вчера собрались вместе, кажется, обсуждали, как помогать Императору. Император отверг нескольких женщин, и это заставило их изменить свое мнение, вот же невежды, — Юэ Ли знал, что генерал враждебно настроен к Императору, а

тот действительно был бестолковым правителем, так что ругать его стало привычным делом.

И Цунчжоу молчал. Юэ Ли почесал затылок:

— Генерал, в конце концов, в таком возрасте думать о подобном — это нормально.

Какой мужчина не мечтает о любви? Он даже считал, что весна в сердце его генерала наступила слишком поздно.

Один лишь взгляд — и Юэ Ли чуть не поскользнулся на дороге.

Рога потроганы, зловещее вожеление пока подавлено, жизнь сохранена — в конце концов, он все равно ничего не добьется.

И Цунчжоу ответил:

— Хм.

Хотя для И Цунчжоу, пограничного палача, эти слова звучали пугающе.

Однако, закончив говорить, он почувствовал, как у него похолодело на шее, словно генерал испепелил его взглядом.

— ... — Мо Ин вздрогнул от испуга, голова пошла кругом, пальцы нервно переплелись.

Шум дождя заглушал все остальные звуки. Именно поэтому, когда Наложница Сюань появилась в галерее у Беседки посреди озера, он оказался застигнут врасплох.

В такую сырую погоду трудно дышать, и Мо Ин, желая проветриться, пришел в ту самую беседку.

— Ах да, есть пара дел, и все они связаны с Императором.

И Цунчжоу сам не знал, почему у него вдруг стало горячо на душе. Увидев, что Юэ Ли больше нечего сказать, он махнул рукой:

— Не нужно следить за Императором, наблюдай только за Регентом.

Юэ Ли: ?

Ему показалось, что это лишь иллюзия, и он продолжил:

— Более того, Император в последнее время ни разу не виделся с наложницами. Поговаривают, что он, возможно, положил глаз на кого-то, и другие женщины ему больше не милы, даже на танцовщиц, которые ему раньше нравились, он больше не смотрит.

Мо Ин был в отчаянии. Еще до того, как она подошла, он невольно сглотнул слюну, чувствуя, как растет напряжение.

Тело стало таким легким.

— Император, вы так устали?

Мо Ин сидел в кресле, глядя вдаль, изредка лакомясь сливами и сладостями. Никто не беспокоил его, и он наслаждался свободой.

Этой ночью он не сомкнул глаз, но чувствовал себя спокойно и умиротворенно.

— Что случилось? — спросил И Цунчжоу.

Более того, пять лет он не мог спать, мучимый кошмарами, в которых видел лишь кровавые битвы и крики.

— Император! — убедившись, что это он, Нложница Сюань направилась к нему так быстро, что подол платья развеялся на ветру, и в мгновение ока села напротив.

С самого утра он был в настроении созерцать дождь, а выражение его лица было таким неопределимо нежным, что казалось, будто он впервые влюбился.

Разумеется, ведь ты прямо перед ним.

Нложница Сюань хотела было броситься к нему, но, вспомнив свои ушибленные плечи, побоялась.

Мо Ин не мог вымолвить ни слова и лишь молча кивнул, делая вид, что спокоен.

Цзы Си, стоявший сбоку, отчетливо видел, как дрожат его плечи и ладони.

Как же странно: с Чи Линем он вел себя так свободно, одним лишь «я не слышу» заткнул ему рот, когда тот поносил И Цунчжоу. А здесь — простая женщина, которая раньше была в такой милости, а он ее так боится. Это просто непостижимо.

— Я могу разделить с вами ваши заботы, Император.

Мо Ин с тоской подумал, что если она замолчит — это и будет лучшая помощь. Пойдите, если набить ей рот едой, она перестанет болтать?

Он протянул палец и пододвинул к ней фарфоровую чашу со сливами, а затем быстро отдернул руку.

Кто бы мог подумать, что это даст обратный эффект. Глаза Наложницы Сюань загорелись, она радостно воскликнула:

— Император, это для меня? Я так счастлива! — она опустила голову и добавила с кокетливой застенчивостью: — Вчера, когда вы отказали той иноземке, вы были так решительны, мне это безумно понравилось.

Довольно. Его пальцы ног уже сжались так, будто он пытался вырыть себе нору, еще немного, и он сойдет с ума. Хотя он и не мог говорить, но у этого социофобного демона есть руки и ноги, неужели он не может уйти?

Мо Ин встал, но Наложница Сюань поднялась вслед за ним, двигаясь быстрее, и сделала шаг в его сторону.

Мо Ин, решивший сбежать, чуть не столкнулся с ней и поспешно отступил.

Он сделал шаг назад — она сделала шаг вперед.

— Император, если вас что-то гложет, расскажите мне, хорошо? Я так переживаю, видя, как вы усердно трудитесь.

Беседка была небольшой, и через несколько шагов он уперся в перила.

Наложница Сюань остановилась, заметив отвращение на лице Мо Ина.

Император никогда так с ней не обращался. Она растерялась, но вдруг вспомнила слова Цзы Си, сказанные недавно:

— Императору в этом году исполнилось двадцать, это время мужского преображения. Госпожа, вы не должны отступать, смелая атака — это половина успеха, ведь раньше так и было, верно?

Цзы Си был ее советником, и его слова не могли быть ложными.

Подумав об этом, Наложница Сюань встала на цыпочки и подалась вперед.

Мо Ин был вынужден отклониться назад, его поясница прогнулась дугой.

Спина уперлась в перила, брызги дождя косо летели ему в лицо. Мо Ин, не в силах больше терпеть, попытался оттолкнуть ее, но внезапно потерял равновесие.

Перила беседки, вероятно, от старости сгнили и не выдержали его веса — они сломались, и он полетел вниз!

Наложница Сюань застыла от ужаса, и только Цзы Си среагировал молниеносно. Он сделал широкий шаг вперед и в последнее мгновение, когда Мо Ин готов был упасть в воду, схватил его за руку.

Сила падения потянула Цзы Си за собой, ему пришлось резко дернуть его на себя, и Мо Ин оказался в его объятиях, совершив пол-оборота.

Летний ветер растрепал волосы Мо Ина, и их пряди коснулись щек Цзы Си.

Глаза Цзы Си широко распахнулись.

Он уловил тончайший, ни с чем не сравнимый аромат. В ту ночь, когда он был тяжело ранен, этот запах преследовал его и глубоко врезался в память.

Покушение во дворце было организовано Цзы Си, чтобы выведать планы Юань Цзяояня, но тот вцепился в него, как бешеный пес, и в итоге они оба серьезно пострадали.

Он был отравлен, сознание путалось, мир вращался, и он едва нашел место, чтобы спрятаться.

Что происходило потом, он не помнил, лишь помнил этот аромат, окутывавший его. Когда он пришел в себя, то оказался в заброшенном дворе, вокруг никого не было.

На ране была повязка из разорванной ткани, на ощупь — шелк. Принюхавшись, он почувствовал, что кроме запаха крови, от ткани исходит слабый аромат.

Кто его спас?

Этот человек знал, что он убийца, видел его лицо, был препятствием на пути, и его следовало устранить.

Но аромат напомнил ему о нежности спасителя, который раз за разом отирал ему лоб,

заставляя бороться дальше.

Он был человеком, который четко разделял добро и зло: если человек спас ему жизнь, как он может отнять ее?

Аромат был таким приятным, должно быть, это была какая-то дворцовая служанка. Нужно будет тайно вывезти ее из дворца, чтобы обеспечить ей покой на всю оставшуюся жизнь.

Внутренний дворец был под его контролем, не говоря уже о безжалостной Страже в черных одеждах. Он думал, что найдет спасителя за час, но прошло полтора дня, он перевернул дворец вверх дном и не нашел ни единого следа.

А теперь он почувствовал этот уникальный аромат, исходящий от самого Императора.

Слабый аромат был перекрыт запахом амбры, и если бы не близость, его было бы невозможно учуять.

Но как это может быть Император? Самый невероятный человек на свете, который мог бы его спасти, — это тот самый бестолковый тиран.

Цзы Си не мог в это поверить. Притворившись, что теряет равновесие, он приблизился к плечу Мо Ина и глубоко вдохнул.

Чем ближе, тем отчетливее становился запах, проникая не только в сознание, но и в самые глубины души.

Это он. Тот самый аромат, который снился ему две ночи подряд, — это был естественный запах тела Императора.

Чувство невесомости от едва не случившегося падения заставило Мо Ина пережить сильный шок, он схватился за руку Цзы Си, тяжело дыша.

Словно почувствовав что-то, он, продолжая дышать, покосился вправо.

И Цунчжоу, держа в руках бумажный зонт, стоял в стороне у озера лотосов.

Дождь стих, и теперь все было видно отчетливо. В дымке дождя он был подобен бамбуку, пробившемуся после ливня: не только прекрасен лицом, но и обладал необычайным, возвышенным духом.

Мо Ин уперся ладонями в грудь Цзы Си и с силой оттолкнул его.

Нельзя же портить маленького суккуба, давая И Цунчжоу повод подумать, что он какой-то распутный демон.

Но, подумав, он решил: к черту, какая разница, распутный или нет, ведь Цзы Си — второй претендент на его сердце!

И Цунчжоу так сильно страдал от рук оригинального Императора, что его могли казнить в любой день. А Цзы Си всегда старался привлечь его на свою сторону, используя Стражу в черных одеждах, чтобы узнать все его предпочтения — если это не истинная любовь, то что тогда?

Беда, беда. И Цунчжоу ни в коем случае не должен связываться с этим претендентом, иначе он никогда не выберется из этого мира.

Расстояние между ними было небольшим, и Мо Ин отчаянно подавал И Цунчжоу знаки глазами.

Но маленький суккуб не понял сигнала, а наоборот, направился к ним.

Не подходи, отойди, отойди!

И Цунчжоу двигался очень быстро, и пока он замешкался, тот уже был рядом.

— ... — Их взаимопонимание с маленьким суккубом поистине трогало до слез.

Не дожидаясь, пока И Цунчжоу поклонится, Мо Ин в пару шагов оказался рядом, схватил его за руку и усадил.

Ничего не поделаешь, проблема все та же. Он ниже И Цунчжоу и Цзы Си, и если они посмотрят друг на друга, он не сможет их остановить. Если же И Цунчжоу будет сидеть, он сможет перегородить им обзор.

К счастью, в отличие от того живого ада Юань Цзяояня, как бы ни был страшен Цзы Си в своих тайных делах, внешне он оставался лишь евнухом. Он прислуживал Наложнице Сюань, значит, нужно просто отослать ее.

Ему нужно разобраться с делами посторонних, не может же маленький суккуб просто ждать. Мо Ин выбрал в чаше самую большую сливу и сунул ее в рот И Цунчжоу:

— Попробуй, она очень сладкая.

И Цунчжоу, застигнутый врасплох, замер с таким выражением лица, будто проглотил пулю. Под ожидающим взглядом Мо Ина он опустил веки и медленно проглотил ее.

— Сладкая?

— Да.

С маленьким суккубом рядом Мо Ин почувствовал себя менее неловко.

Он прочистил горло и повернулся к Наложнице Сюань:

— Возвращайся.

Наложница Сюань с тоской посмотрела на него:

— Почему, Император? Я что-то сделала не так?

Он предпочел упасть в воду, чем позволить ей прикоснуться к себе.

Мо Ин редко общался с девушками, но, к счастью, прочитал бесчисленное количество чистых любовных романов на «Зеленой реке» и в голове у него промелькнуло несколько вариантов.

Сказать, что он болен? Нет, болезнь когда-нибудь проходит.

Сказать, что поглощен государственными делами? Слишком фальшиво, не соответствует его образу.

Как бы то ни было, это ранит Наложницу Сюань, если только она не поймет, что дело не в ее отсутствии обаяния, а в том, что он ошибся полом.

В конце концов, эта книга относится к жанру чистой любви, так что влечение к мужчинам должно быть вполне нормальным.

— Наложница Сюань, это... это не связано с тобой, — хотя это было ужасно неловко, но чтобы заставить Цзы Си убраться, Мо Ин решился: — Я... я люблю мужчин.

На лице Наложницы Сюань отразилась пустота.

Чтобы ложь звучала убедительнее, он отрезал:

— У меня уже есть избранник.

Взгляд И Цунчжоу, стоявшего за спиной Мо Ина, потемнел.

Наложница Сюань оцепенела, взглянула на того, кто стоял за ним, и у нее возникла догадка. Император позволял ей есть сливы, просто подвигая чашу, но Генерала Чанпина кормил с рук, и взгляд его был таким нежным.

Она так старалась, а в итоге мужчина увел у нее мужа.

Мо Ин, не обращая внимания на ошеломленную наложницу, нахмурился, глядя на Цзы Си.

Он сделал самое свирепое лицо, на которое был способен, пытаясь отпугнуть его, как курица-мать, защищающая своих цыплят.

Маска скрывала его лицо, но в правом глазу, видневшемся снаружи, словно струился ручей, наполненный весенним солнцем.

Цзы Си подумал: были ли глаза тирана такими яркими раньше?

Если происходит что-то странное, значит, здесь замешан демон. У тирана должна быть причина, чтобы спасти его. Сопоставив это с его словами, он пришел к единственному выводу: тиран польстился на его внешность.

Абсурд!

Но если это не так, то почему, когда Наложница Сюань была рядом, тиран смотрел только на него, не обращая на нее никакого внимания?

Наложница Сюань в смятении покинула беседку, Цзы Си последовал за ней. Когда наступила ночь, он в одиночестве пришел в укромное место.

Используя особую костяную флейту, он подал сигнал, и вскоре перед ним появился Ван Си, подобострастно кланяясь.

Кто бы мог подумать, что Ван Си, которого Император так жаловал и которому даже доверил печать, станет его пешкой, готовой плясать под его дудку.

— Господин, вы хотите узнать о Генерале Чанпине? В последнее время действительно есть что доложить, — Цзы Си каждый раз спрашивал только об И Цунчжоу, что уже начинало раздражать Ван Си, вызывая у него пренебрежение. — Но, на мой взгляд, он не представляет

никакой угрозы, господину не стоит брать это в голову.

Цзы Си презирал недалёковидность Ван Си, но не подавал вида.

И Цунчжоу был скрытен: полководец, чьи руки по локоть в крови, мог скрыть свою жажду убийства и притворяться безобидным больным красавцем — тот, кто способен на такое, не был заурядным человеком. Не говоря уже о том, что Стража в черных одеждах получила сведения: с тех пор как пять лет назад семья И Цунчжоу погибла, он тайно выстраивал свои планы. Цзы Си даже не был уверен, как далеко простираются его руки.

Он всегда считал И Цунчжоу неконтролируемым острым мечом, который вызывал у него наибольший интерес и наибольшее опасение.

Но сегодня он не хотел спрашивать об И Цунчжоу.

— Было ли в эти дни что-то странное за тираном?

— Господин, вы тоже это заметили? Честно говоря, я сам до смерти перепуган! — Ван Си начал жаловаться, но Цзы Си, выслушав пару слов, нетерпеливо прервал его: — Были ли какие-то странности во Дворце Осеннего Солнца позавчера ночью?

— Были, были, — почтительно ответил Ван Си. — Но это сущие пустяки, во внешнем дворе вспыхнул небольшой пожар, его быстро потушила Стража в черных одеждах.

— А тиран?

— Император спал в своих покоях, он не позволял мне приближаться, и я не осмеливался войти во внутренний двор, дежурил снаружи.

Какая хитрая уловка — отвлечь внимание.

Тиран смог спасти его, избежав чужих глаз, да так, что он не смог найти ни единой зацепки — это просто поразительно.

Цзы Си снова вспомнил его яркий взгляд и сжал кулаки.

Даже если он не хотел признавать этого, факты оставались фактами. Почувствовав этот аромат, он потерял самообладание.

<http://bllate.org/book/18645/1796308>